

рического развития. Перед нами как раз тот случай, когда легенда подменяет историю.

1. Хаммонд Н. История Древней Греции / Пер. с англ. М., 2003. С.120.
2. Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция) / Пер. с франц. М., 1998. С.37; Андреев Ю.В. Архаическая Спарта: культура и политика / Раннегреческий полис (архаический период). СПб., 2003. С. 363. Хаммонд Н. Там же. С.184-165.
3. Марру А.-И. Там же. С. 40.
4. Плутарх. Ликург, 5-9.
5. Геродот. История, I, 65 - 66.
6. Печатнова Л.Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб, 2001. С. 71, 73, 77.
7. Андреев Ю.В. Там же. С.362.
8. Там же. С. 362 - 366.
9. Плутарх. Ликург, 25.

**Летягин Л. И.
(Екатеринбург)**

История, наука, идеология

За последние годы в кругах педагогов-историков, работающих в системе среднего, специального и высшего образования имеет место дискуссия по поводу единого учебника по истории. Эта дискуссия связана с появлением целого ряда изданий по истории (прежде всего – истории Отечества), которые зачастую дают прямо противоположные интерпретации тем или иным историческим событиям. А поскольку существует единая программа обучения, то, соответственно, возникает и активно обсуждается идея приведения этого многообразия к некоему «общему», «единому» результату. Им и должен стать единый учебник по истории. Поскольку этот вопрос имеет принципиальный характер, выскажем свои самые общие соображения по этому поводу.

Начнем с ответа на вопрос, возможно ли вообще некое единое, объективное, устраивающее все «заинтересованные стороны» позитивное знание об исторических событиях и процессах? Этот вопрос – вопрос о *научном* статусе исторического исследования.

Поэтому логичным будет наш первый шаг – дать определение понятия науки.

Наука, как известно, это сфера человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности.

В приведенном нами определении обратим внимание на такие признаки научного знания, как его системность, существование и развитие в форме теории, в основе которой лежат знания об объективных законах.

При этом важно то, что формы научного знания о действительности не могут возникнуть и существовать без определенных мировоззренческих предпосылок и ориентиров. Наука – особая форма общественного сознания, и мировоззренчески это проявляется прежде всего в том, что действительность представляется ей объективной, существующей независимо от воли и сознания человека, реальностью.

Но в случае с обществом имеется своя специфика, отражающая особенность объекта познания, в качестве которого выступает человеческая история, складывающаяся из громадного, необъятного числа индивидуальных (единичных) действий людей, обладающих «свободой воли». Это ставит исследователя перед трудно разрешимой дилеммой.

Ее суть наиболее полно выразил И. Кант. Он считал, что человек может быть рассмотрен: 1) как «естественное существо» и тогда нам придется абстрагироваться от его сознания и свободы воли; 2) и как носитель духовного начала – в этом случае человек не может быть рассмотрен как природный феномен, что ставит под сомнение научность такого анализа. Если мы можем познать человека, как физическое, эмпирическое существо, включенное в причинную связь природы (феномен), то, как разумное существо (ноумен), он наделен свободой воли и подчинен уже нравственному закону. Из этого следует, что наука о человеке и обществе невозможна: как носители духовного начала и свободы, люди выходят за пределы мира явлений и присущей ему естественной необходимости.

Поскольку речь идет о дилемме, постольку ее успешное решение возможно лишь двумя путями: 1) нужно феномен – сознательную деятельность людей, наделенных свободой воли, элиминировать (вынести «за рамки», исключить) из исторического процесса, представить этот процесс и его детерминанты как объективную реальность, то есть рассматривать человека и общество по аналогии с природой; 2) представить человека, а с ним и общество, в качестве носителей духовного начала, что предполагает: а) «вынесение» детерминант исторического процесса за его «границы», в мир «божественного» или «мирового разума», как вариант – представить историю как «инобытие», форму, стадию развития «абсолютной идеи»; б) рассмотрение исторического процесса как результата «духовной деятельности» всех людей («общественных идей», «общественного разума», «духовной культуры и т. д.) или отдельных «просвещенных» личностей.

Для нас в данном случае важен не сам процесс разрешения вышеуказанной дилеммы, а то, что варианты ее реализации задают мировоззренческий и методологический «каркас», «матрицу» для исследования общества, в том числе – исторического исследования. Под влиянием этих реально существующих мировоззренческих и методологических каркасов формируется многообразие интерпретаций тех или иных исторических событий, «пишется» конкретная картина исторического процесса в целом.

Так, например *номиналистическая* традиция в философии формирует плюралистические концепции исторического процесса, отрицающие всякие общие закономерности развития стран и народов, единство истории человечества (Н.Я.Данилевский, О. Шпенглер, П. Сорокин, А. Тойнби).

В свою очередь *реализм* как философское направление, исходящее из признания объективно существования общего в природе, обществе и мышлении, реализуется в социально-философских концепциях *провиденциализма* (А. Блаженный, Вл.С. Соловьев, Н. Бердяев), *исторического идеализма* (Гегель, прежде всего), *научного или позитивно-реалистического историзма* (основатель – Д. Вико). Последний, в свою очередь представлен в единстве *историко-естественного* (географический детерминизм - Ш. Монтескье, А. Тюрго, демографический детерминизм К. Гельвеций, А. Барнав, Т. Мальтус) *историко-культурного* (И. Гердер, М. Хайдеггер, К. Ясперс), *историко-экономического* (А. Смит, Д. Риккардо, К. Маркс, Ф. Энгельс) и *историко-психологического* направлений (З. Фрейд, В. Райх).

То, что эти подходы действительно существуют, что они могут определять и определяют то или иное «видение» и изложение истории – это «действительность» исторической науки, которая, в особенности отечественная, все еще находится в рамках историко-экономической социально-философской парадигмы марксизма.

А между тем существование вышеуказанных подходов говорит о том, что каждый из них имеет право на жизнь, как и предлагаемая ими интерпретация истории.

Так, например, использование в качестве мировоззренческих и методологических ориентиров идей, представленных в плюралистических концепциях исторического процесса как суммы уникальных, неповторимых, автономных цивилизаций закономерно приводит к возможности полного произвола в трактовке истории той или иной страны. В этом случае каждый народ, каждая цивилизация имеет свои особенные причины развития, свой особый путь и для, этого, что совершенно закономерно, необходим свой особый исторический взгляд на собственную историю и свой «уникальный учебник».

Своих сторонников имеет и историко-психологическая интерпретация истории, когда последняя рассматривается как «проекция» бессознательных мотивов, потребностей и желаний (прежде всего сексуальных) собственных индивиду и, значит, всему обществу. История общества, согласно этому варианту, представляет собой постоянное подавление бессознательно с помощью культурных санкций и возникновение и перманентное существование на их основе общественного невроза. Выход из него, как достаточно убедительно показал Г. Маркузе, один – сексуальная революция. Что, этого ничего в истории не было и нет? Так может, стоит именно с этих, «сексуальных» позиций и исследовать общество, «писать» этот вариант истории и учебника.

Приведем еще один пример. Как мы уже указывали выше, сформулированная И. Кантом дилемма может решиться и идеалистическим путем, когда историческая действительность предстанет как результат деятельности или некоего замысла божьего или деятельности «великих личностей». Если мы примем за мировоззренческие и методологические основания эти представления, то мы опять-таки получим иную историческую интерпретацию событий и, соответственно, другой учебник по истории, который будет «един» в следовании уже этим основаниям.

Что мы наблюдаем сегодня?

Во-первых, на сегодняшний день наша историческая наука отвергает разнообразие всех социально-философских подходов к познанию законов общества, причем критическая их оценка происходит в рамках заданной марксистской парадигмы анализа исторического процесса.

Во-вторых, из этого следует, что в латентной форме и без серьезных дискуссий марксизм позиционируется как научная теория и широко используется в качестве мировоззренческого и методологического основания исторических исследований, что, в том числе, демонстрируют нам учебники по истории.

В-третьих, логика формирования, а затем и развертывания любого социально-философского подхода такова, что вектор ее развития содержит опасность (тем более в условиях отсутствия дискуссий и критических оценок) идеологических «включений». Идеология представляет из себя не просто совокупность идей и взглядов, в которых теоретики оценивают происходящее в истории, а такую совокупность, которая претендует на статус единственно подлинной, истинной. Именно в рамках идеологического видения истории общества, в истории, как гуманитарной дисциплине могут сакрализоваться, апологизироваться те или иные оценки происходящих событий, писаться «своя история». В этом случае история предстает как своеобразная книжка-раскраска, контуры рисунков в которой есть исторические описания, а «краски» выбирает сам историк, «раскрашивая» историю в «свои» цвета.

В-четвертых, непонятна позиция «волевого» решения, указывающего как «писать» и как «не писать» историю, по каким мировоззренческими методологическим «лекалам» кроить единый учебник по истории. Здесь благая идея о необходимости его унифицировать (которая, кстати, сама требует обоснования) и, тем самым, преодолеть идеологическую «составляющую» истории как гуманитарной дисциплины и предмета преподавания, представляет собой попытку «деидеологизации» истории идеологическими средствами.

Все это говорит о том, что сегодня *крайне необходимо* знакомство историков со всем богатством социально-философской мысли, с разнообразием тех многочисленных подходов, которые в ней существуют и появляются, чтобы попытаться в рамках серьезных и деидеологизированных дискуссий диалектически разрешить дилемму «единого и многообразного» в преподавании истории.